1.9076

G. PLÉKHANOFF
Discours au Congrès de Londres

МЫ и ОНИ.

Рѣчи Г. В. Плеханова на лондонскомъ съѣздѣ 1907 года.

съ его предисловіемъ
и
съ приложеніемъ резолюціи московскаго окружного комитета.

ЖЕНЕВА
—
1907

Предисловіе.

Названіе этого сборника достаточно опредѣляетъ собою, кажется мнѣ, ту цѣль, ради которой я издаю рѣчи, произнесенныя мною на нашемъ послѣднемъ съѣздѣ: мнѣ хочется дать читателю матеріалъ для выясненія разницы между взглядами такъ называемыхъ *большевиковъ* съ одной стороны и такъ называемыхъ *меньшевиковъ* — съ другой. — Эта разница имѣетъ лишь косвенное отношеніе къ тѣмъ принципіальнымъ разногласіямъ, которыми вызываются споры между марксистами и ревизіонистами. Наши „меньшевики", которыхъ иные, — мало вдумчивые или не вполнѣ безпристрастные, — писатели уподобляютъ подчасъ „ревизіонистамъ", въ дѣйствительности относятся къ „ревизіонизму" съ гораздо болѣе полнымъ отрицаніемъ, нежели „большевики". Можно сказать даже, ни мало не грѣша противъ истины, что между „большевиками" встрѣчается гораздо больше людей, такъ или иначе склонныхъ къ „ревизіонизму", нежели между „меньшевиками". Вотъ яркій примѣръ. Поскольку писатели изъ лагеря „большевиковъ" касались философскхъ темъ, постольку всѣ они оказывались *противниками матеріалистической философіи основателей научнаго соціализма.* Въ своемъ отрицательномъ отношеніи къ матеріализму Маркса и Энгельса эти писатели вполнѣ сходятся, напримѣръ, съ „ревизіонистомъ" Конрадомъ Шмидтомъ, съ которымъ я когда-то велъ философскую полемику на страницахъ „Neue Zeit". Правда, они не одобряютъ кантіанской точки зрѣнія Конрада Шмидта. Но, во-первыхъ, *„пересмотръ"* (Revision) ученія Маркса не перестаетъ быть *„пересмотромъ"* оттого, что его дѣлаютъ не во имя Канта, а во имя Маха

или Авенаріуса. Во-вторыхъ, теорія Маха или Авенаріуса совсѣмъ не такъ чужда кантіанства, какъ это могутъ думать люди, незнакомые съ исторіей философскихъ идей. Въ философскомъ отношеніи теоретики нашего „большевизма“ являются, поэтому, самыми несомнѣнными ревизіонистами *). И всетаки необходимо признать, что наши споры съ ними ведутся въ совершенно другой плоскости, нежели тѣ, которые происходили и происходятъ между марксистами и ревизіонистами западныхъ странъ. Тактическіе взгляды нашихъ „большевиковъ“, — а мы споримъ съ ними главнымъ образомъ о тактикѣ, — также мало похожи на взгляды западныхъ ревизіонистовъ, какъ и на взгляды марксистовъ. Они напоминаютъ собою скорѣе взгляды Бланки или Бакунина и его ближайшихъ послѣдователей. Я знаю, что такое уподобленіе кажется „большевикамъ“ почти *умышленной* несправедливостью; но я дѣлаю его съ самымъ серьезнымъ убѣжденіемъ и ни мало не увлекаясь при этомъ полемическимъ задоромъ. Тактика нашихъ „большевиковъ“ въ самомъ дѣлѣ не имѣетъ ничего общаго даже съ *„пересмотрѣнкымъ“* марксизмомъ, и когда имъ указываютъ на это, они напрасно обижаются. По поводу неудовольствія, вызваннаго въ извѣстной средѣ *„Ревизоромъ“*, Гоголь напоминалъ когда-то своимъ противникамъ народную поговорку: нечего на зеркало пенять, коли и т. д. И эту же поговорку я позволю себѣ напомнить своимъ противникамъ изъ „большевистскаго“ лагеря.

Въ чемъ заключается сходство между тактикой нашихъ „большевиковъ“ и тактическими пріемами Бланки, Бакунина и прочихъ революціонеровъ *утопистовъ*? А вотъ въ чемъ.

Какъ я сказалъ въ рѣчи, произнесенной мною въ 16-мъ засѣданіи съѣзда, наши большевики дѣлаютъ тактическую ошибку, тожественную съ логической ошибкой, называемой

*) На эту черту въ міросозерцаніи „большевиковъ“ обыкновенно совсѣмъ не обращаютъ вниманія: не все-ли, молъ, равно, каковы философскіе взгляды практическихъ дѣятелей? И не рѣдко это дѣйствительно все равно. Очень многіе люди такъ не логичны, что характеръ ихъ философскихъ взглядовъ не имѣетъ ничего общаго съ характеромъ ихъ практической дѣятельности. Но отъ этой нелогичности фактъ не перестаетъ быть фактомъ: нынѣшняя философская реакція противъ матеріализма все таки представляетъ собою лишь теоретическое отраженіе борьбы буржуазіи съ революціонными стремленіями пролетаріата. На этотъ счетъ есть у Энгельса очень интересная страница.

petitio principii. Они считаютъ *уже достигнутой* народомъ ту степень революціоннаго сознанія, на которую его еще *надо поднять* съ помощью его собственнаго политическаго опыта (см. стр. 12 предлагаемой брошюры). Но это какъ разъ та самая ошибка, которую неизмѣнно совершали, въ своихъ тактическихъ разсчетахъ, всѣ *революціонеры утописты*, и которую до сихъ поръ безпрестанно повторяютъ нынѣшніе декаденты утопизма — *анархисты*. Товарищъ Карлъ Либкнехтъ, въ своей интересной книгѣ „Militarismus und Antimilitarismus“, справедливо говоритъ объ анархическихъ „выступленіяхъ“: „Конечно, въ ходѣ развитія классовой борьбы можетъ наступить такое время, когда способъ дѣйствій, рекомендуемый анархистами, окажется возможнымъ и правильнымъ. Но ошибка анархизма заключается не въ абсолютной, а въ относительной неприложимости пропагандируемаго имъ способа дѣйствій, — въ той относительной непримѣнимости, которая обусловливается игнорированіемъ данныхъ общественныхъ соотношеній силы, при чемъ это игнорированіе въ свою очередь порождается отсутствіемъ пониманія исторической и общественной жизни. И если планы анархизма на болѣе поздней стадіи развитія окажутся осуществимыми и правильными, то этимъ вовсе не оправдывается, а, напротивъ, осуждается анархическая тактика“. (Стр. 12). Это не въ бровь, а въ глазъ нашимъ „большевикамъ“. Современемъ, когда политическое воспитаніе нашего народа будетъ *закончено*, ихъ тактика можетъ, пожалуй, оказаться примѣнимой и плодотворной. Но въ этомъ заключается не оправданіе этой тактики, а именно ея осужденіе: если она можетъ быть хороша *только тогда*, когда *уже* закончится политическое воспитаніе народа, то ясно, что *не она* будетъ способствовать этому воспитанію; а между тѣмъ въ немъ-то и состоитъ важнѣйшая политическая задача нашего времени. Карлъ Либкнехтъ прибавляетъ далѣе, что за анархической тактикой надо признать, покрайней мѣрѣ, *заслугу почина*. Я сильно сомнѣваюсь въ этомъ: слишкомъ уже велико неразумѣніе названной тактики. Но какъ-бы тамъ ни было, а уже совсѣмъ несомнѣнно то, что тактика нашихъ „большевиковъ“ плоха *именно въ смыслѣ почина*. О заслугахъ подобнаго рода надо судить, соображаясь съ обстоятельствами времени и мѣста. А эти обстоятельства въ Германіи совсѣмъ не таковы, какъ въ Россіи. Можетъ быть, въ Германіи, гдѣ анархизмъ никогда не былъ господствующимъ теченіемъ, тактика анархистовъ въ самомъ дѣлѣ способна привести иногда того или другого соціаль-демократа къ мысли о тѣхъ

новыхъ пріемахъ борьбы, которые подсказываются новыми условіями жизни. Не то у насъ. По всему своему духу тактика нашихъ „большевиковъ“ представляетъ собою возвратъ къ тѣмъ привычкамъ политической мысли, которыя еще недавно безраздѣльно господствовали въ нашей революціонной средѣ и которыя до сихъ поръ преобладаютъ между „соціалистами-революціонерами“. Она *не родитъ ничего новаго*, — за исключеніемъ развѣ анархо-синдикализма, — а только *воскрешаетъ старое*, которое совсѣмъ изжило себя и отъ котораго нашимъ революціонерамъ давно пора отказаться въ интересахъ своего дѣла.

Вотъ почему поддерживать тактику „большевиковъ“ въ ущербъ тактикѣ „меньшевиковъ“ значитъ поддерживать утопизмъ на счетъ марксизма.

Возьмите хотя бы „мысль“ товарища Петра Ал., въ „*Сборникѣ первомъ*“, — объявить исполнительнымъ комитетомъ нашу думскую лѣвую. Въ 16 мъ засѣданіи съѣзда я объявилъ эту мысль однимъ изъ самыхъ яркихъ образчиковъ „большевисткаго“ непониманія дѣла (См. 16 стр.)

Въ защиту товарища Петра Ал. товарищъ П. А—скій крикнулъ мнѣ, — какъ я узналъ потомъ отъ т. Мартова, — что я не вѣрно цитирую. Съ формальной стороны это было, пожалуй, такъ. Въ цитату, сдѣланную мною на память, закралась нѣкоторая неточность. Петръ Ал. имѣлъ въ виду,—какъ я это и написалъ теперь здѣсь нѣсколькими строками выше,—*всю* нашу думскую *лѣвую*, а я сказалъ въ своей рѣчи, что вышеуказанная мысль рекомендовалась имъ собственно нашей соціальдемократической *фракціи*. Но вѣдь эта обмолвка ничего, *ровнехонько ничего*, не измѣняетъ: „*мысль*“ товарища Петръ Ал. остается нелѣпой совсѣмъ независимо отъ того, кому именно онъ рекомендовалъ ее: одной-ли нашей фракціи, или-же всей думской лѣвой. Нелѣпой она должна быть признана именно потому, что она, — какъ говоритъ Карлъ Либкнехтъ объ *анархической* тактикѣ, — игнорировала данныя общественныя соотношенія силы и свидѣтельствовала о полнѣйшемъ, изумительнѣйшемъ непониманіи нашего тогдашняго положенія. И замѣтьте: нелѣпость „мысли“ товарища Петра Ал. заключается, — опять, какъ у анархистовъ, — не въ ея абсолютной, а въ ея относительной непримѣнимости. Въ будущемъ можетъ наступить такое время, когда окажется возможнымъ, полезнымъ и нужнымъ „выступленіе“ въ родѣ того, которое рекомендовалъ, въ началѣ 1907 года, вниманію думской лѣвой товарищъ Петръ Ал.*) Но — только въ *будущемъ*. И именно поэтому „тактика“ тов. Петра Ал., предполагающая сдѣланнымъ то, что еще нужно сдѣлать, должна быть въ настоящее время рѣшительно осуждена всѣми тѣми, которые хотятъ своей политической дѣятельностью способствовать скорѣйшему наступленію такого будущаго.

Въ настоящее время „тактика“ тов. Петра Ал. можетъ встрѣтить сочувствіе только со стороны людей, питающихъ то отрадное, хотя и мало основательное убѣжденіе, что русскій народъ уже вполнѣ готовъ къ самымъ крайнимъ „выступленіямъ“. Но такихъ людей у насъ было особенно много въ ту пору, когда наше революціонное движеніе совершалось подъ знаменемъ бакунизма.

Послѣ моей рѣчи на парижскомъ международномъ съѣздѣ 1889 года старый Вильгельмъ Либкнехтъ подошелъ ко мнѣ и, сочувственно пожавъ мнѣ руку, сказалъ: „Я слушалъ васъ съ большимъ удовольствіемъ. Вы первый русскій, не старающійся увѣрить насъ, людей Запада, въ томъ, что въ Россіи все готово для революціи. Со временъ Бакунина я постоянно слышалъ, что тамъ „все готово“, и удивлялся только тому, что революція всетаки заставляетъ себя такъ долго ждать“. Тактика „большевиковъ“,—получившая такое яркое выраженіе въ „мысли“, удостоившейся одобренія тов. Петра Ал., — только возвращаетъ насъ къ бакунинскому „вспышко-пускательству“. Въ смыслѣ возвращенія къ этой тактикѣ ей въ самомъ дѣлѣ принадлежитъ заслуга почина, потому что вся наша соціальдемократическая литература отъ первыхъ изданій группы „Освобожденіе Труда“ до „Зари“ и „старой“ „Искры“ включительно, проповѣдывала совсѣмъ другіе тактическіе взгляды. Но вѣдь это *чисто отрицательная заслуга*.

Какъ я уже сказалъ на съѣздѣ и какъ я повторилъ это здѣсь, въ основѣ всей тактики „большевиковъ“ лежитъ утопическая увѣренность въ томъ, что народъ уже достигъ той ступени политическаго развитія, которая на самомъ дѣлѣ только еще должна быть достигнута въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Иначе сказать, „большевики“ предлагаютъ уже рѣшенную ту политическую задачу, въ

---

*) Я говорю: „въ родѣ того, которое“ и проч., потому, что мнѣ все-таки остается совершенно непонятнымъ, при чемъ тутъ „Исполнительный Комитетъ“. Надо полагать, что, въ качествѣ крайняго революціонера, тов. Петр Ал. просто захотѣлъ „не уважить“ партіи Народной Воли: у насъ, молъ, тоже будетъ Исполнительный Комитетъ!

рѣшеніи которой и должно обнаружиться наше политическое искусство. До какой степени это вѣрно, читатель могъ еще недавно видѣть изъ тѣхъ доводовъ, которые приводились „большевиками“ *противъ*, — это не описка; я написалъ именно то, что хотѣлъ написать, т. е. *противъ*, — бойкота третьей Думы. Теперь бойкотъ излишенъ,—говорили они, — такъ какъ теперь уже разрушены конституціонныя иллюзіи народа. Я оставляю въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько бойкотъ первой Думы могъ содѣйствовать такому разрушенію, и обращаю вниманіе читателя только на ту психологію, которая обнаруживается въ этой аргументаціи противъ бойкота. Мы видимъ тутъ *лишь новое выраженіе старой, утопической увѣренности въ томъ, что задача, подлежащая рѣшенію, уже рѣшена*: „конституціонныя иллюзіи“ уже разрушены, и, слѣдовательно, въ Россіи опять „все готово“, такъ что остается лишь подумать о „рѣшительномъ выступленіи“. И такой утопизмъ обнаруживаютъ въ средѣ „большевиковъ“ даже противники бойкота, т. е. люди, хотябы только случайно дѣлающіе правильный шагъ. О бойкотистахъ же нечего и говорить: ихъ психологія рѣшительно ничѣмъ не отличается отъ психологіи „соціалистовъ-революціонеровъ“.

Такъ какъ задача, подлежащая рѣшенію, считается уже рѣшенною, то „большевику“ естественно не остается думать ни о чемъ другомъ, кромѣ „рѣшительнаго выступленія“. Въ „рѣшительномъ выступленіи“ — альфа и омега „большевистской“ тактики. Внѣ его они ровно ничего не видятъ.

Въ 16-мъ засѣданіи съѣзда тов. Мѣшковскій, говорившій сейчасъ-же послѣ меня, съ ехидной улыбкой замѣтилъ, что, вопреки моимъ утвержденіямъ, „большевики“ ничего не говорятъ теперь о вооруженномъ возстаніи.

Тов. Мѣшковскій наивно думалъ, что этимъ доводомъ онъ разрушилъ всю мою аргументацію. И такъ, повидимому, думали всѣ другіе „большевики“. Но замѣчаніе тов. Мѣшковскаго было, во первыхъ, не совсѣмъ точно фактически. Одинъ изъ московскихъ „большевиковъ“ категорически заявилъ, — если память мнѣ не измѣняетъ, въ одномъ изъ многочисленныхъ засѣданій, посвященныхъ нами спорамъ о порядкѣ дня, — что такъ какъ движеніе народа уже достигло теперь той ступени, на которой онъ оказывается *вынужденнымъ* прибѣгнуть къ вооруженному возстанію, то мы обязаны придти къ нему на помощь въ этомъ дѣлѣ. Что это, если не та знаменитая „техническая подготовка къ вооруженному возстанію“, которую такъ настойчиво рекомендовали намъ въ Стокгольмѣ товарищи Винтеръ и Орловскій?

А кромѣ того, я прошу товарища Мѣшковскаго принять въ соображеніе вотъ что. Во всякомъс пособѣ дѣйствій и во всякомъ образѣ мыслей должна быть своя логика; если тактика „большевиковъ“ всецѣло приспособлена къ рѣшительному „выступленію“, и если это „выступленіе“ даже „большевики“ признаютъ теперь, по той или по другой причинѣ, невозможнымъ, то ясно, что вся эта тактика должна быть признана несоотвѣтствующей нынѣшнему положенію дѣлъ. Защищать-же эту тактику указаніемъ на то, что сами ея сторонники не рѣшаются говорить теперь о „рѣшительномъ выступленіи“ (вооруженномъ возстаніи), — т. е. о томъ, что составляетъ ея душу и что одно придаетъ ей нѣкоторый смыслъ,—значитъ совершать смертный грѣхъ противъ логики и попадать въ безвыходныя противорѣчія.

Въ такія противорѣчія и попали на лондонскомъ съѣздѣ единомышленники тов. Мѣшковскаго. Вотъ яркій примѣръ. Они не только осудили идею рабочаго съѣзда, но и вообще обнаружили крайнее недовѣріе къ пролетарскому движенію. Въ своемъ первоначальномъ проектѣ резолюціи о рабочемъ съѣздѣ они признали „*допустимымъ*“ участіе членовъ нашей партіи въ широкихъ непартійныхъ рабочихъ организаціяхъ. Не *необходимымъ и желательнымъ*, а только *допустимымъ!* Это могло бы показаться совершенно невѣроятнымъ и совершенно непростительнымъ съ точки зрѣнія соціалъ-демократа,—всѣ надежды котораго всегда должны пріурочиваться къ широкому массовому движенію, — если бы мы не знали, что проектъ резолюціи о рабочемъ съѣздѣ былъ выработанъ людьми, всѣ помыслы которыхъ въ теченіе двухъ-трехъ послѣднихъ лѣтъ сосредоточивались на „рѣшительномъ выступленіи“. Рѣшительное выступленіе предполагаетъ, какъ мы знаемъ, что народъ уже достигъ очень высокой ступени революціоннаго сознанія; а если народъ уже достигъ такой ступени, то руководители его движенія могутъ уже не развлекать своего вниманія и не разбивать своихъ усилій участіемъ въ безпартійныхъ рабочихъ организаціяхъ.

Конечно, въ извѣстныхъ случаяхъ такое участіе все-таки можетъ оказаться полезнымъ; поэтому его нужно *допустить*. Настоятельной же необходимости въ немъ нѣтъ, и поэтому можно и должно *ограничиться признаніемъ его допустимости*. Какъ видимъ, тутъ въ самомъ дѣлѣ есть своя логика. Одна ошибка логически ведетъ за собой другую: люди, считающіе

уже рѣшенной ту задачу, которую только еще надлежитъ рѣшить, не могутъ не пренебрегать тѣмъ средствомъ, которое, вмѣстѣ съ другими средствами воздѣйствія на массу, должно вести къ ея рѣшенію. Кто говоритъ А, тотъ долженъ сказать также и Б, гласитъ нѣмецкая поговорка.

Если же кто нибудь находитъ, что говорить А не слѣдуетъ, тогда ему незачѣмъ говорить и Б. „Большевики“, если вѣрить т. Мѣшковскому, не находятъ теперь нужнымъ говорить: А и даже удивляются, когда имъ напоминаютъ объ этой буквѣ. Но если это такъ, то совершенно непонятно, зачѣмъ они, въ резолюціи о рабочемъ съѣздѣ, сказали Б; зачѣмъ они поставили себя въ такое отношеніе къ широкимъ рабочимъ организаціямъ, которое могло бы быть понятнымъ только со стороны заговорщиковъ, убѣжденныхъ въ томъ, что пришла пора „рѣшительнаго выступленія“.*)

Не трудно было бы показать, что и всѣ остальныя тактическія ошибки „большевиковъ“ естественно вытекаютъ изъ указанной мною выше основной ихъ ошибки. Но это была бы цѣлая работа, за которую я не могу взяться въ этомъ предисловіи. Остановлюсь только на отношеніи „большевиковъ“ къ буржуазнымъ партіямъ и къ „отвѣтственному министерству“.

Если предположить, что уже исчезли всѣ тѣ предразсудки народа, которые мѣшаютъ ему разорвать сковывающія его цѣпи рабства; если проникнуться тѣмъ убѣжденіемъ, что совсѣмъ уже близко время диктатуры „пролетаріата и крестьянства“, то станетъ яснымъ, что соціальная демократія не можетъ относиться къ „партіи народной свободы“ иначе, какъ *отрицательно:* вѣдь кадеты по необходимости, — въ силу инстинкта самосохраненія представляемыхъ ими классовъ, — примкнутъ тогда къ *„реакціонной массѣ“* и будутъ всѣми силами поддерживать правительство. Стало быть, достаточно допустить, что задача уже рѣшена, чтобы вполнѣ и сознательно одобрить резолюцію, принятую на нашемъ послѣднемъ съѣздѣ по вопросу объ отношеніи къ буржуазнымъ партіямъ. Но какъ долженъ смотрѣть на эту резолюцію человѣкъ, понимающій, что задача не рѣшена, а только еще ждетъ отъ насъ своего рѣшенія? Если этотъ человѣкъ способенъ думать логично, то онъ скажетъ, что ходъ развитія нашей общественной жизни еще не поста-

*) **На съѣздѣ проектъ резолюціи о рабочемъ съѣздѣ измѣненъ былъ, между прочимъ, въ томъ смыслѣ, что слово: допустимо замѣнили словомъ желательно. Разумѣется, это сдѣлано было по настоянію „меньшевиковъ“.**

вилъ нашихъ либераловъ за одну скобку съ реакціонерами; что между тѣми и другими еще неизбѣжна борьба, и что партія пролетаріата *обязана* воспользоваться этой неизбѣжной борьбою въ интересахъ своего собственнаго дѣла. А именно это и говорятъ „меньшевики“ и именно потому, что они говорятъ это, они осуждаютъ лондонскую резолюцію объ отношеніи къ буржуазнымъ партіямъ, *какъ несвоевременную и потому несостоятельную.*

На недавнемъ штуттгартскомъ международномъ съѣздѣ мнѣ пришлось бесѣдовать съ однимъ русскимъ рабочимъ делегатомъ, придерживающимся „большевистскаго“ образа мыслей. „Я не понимаю, какъ могутъ соціаль-демократы входить въ соглашенія съ кадетами, — сказалъ онъ мнѣ; — въ нашемъ городѣ къ кадетской партіи принадлежатъ многіе предприниматели, а вѣдь интересы предпринимателей противоположны интересамъ рабочихъ.“ Я отвѣчалъ ему: „У васъ два врага. Разумная тактика требуетъ отъ васъ, чтобы вы сначала сосредоточили свои силы на одномъ изъ нихъ и, разбивъ его, устремились на другого. Такъ всегда поступалъ великій мастеръ въ дѣлѣ рѣшенія тактическихъ задачъ, Наполеонъ первый. На кого же вы должны напасть прежде? Очевидно, на правительство. Сосредоточивайте же противъ него свои силы. Но правительство,—этотъ врагъ, который прежде другихъ долженъ быть разбитъ вами, — встрѣчаетъ и до поры до времени будетъ встрѣчать противодѣйствіе со стороны кадетовъ. Это значитъ, что ваши враги пока еще ссорятся и между собою. Разумная тактика требуетъ отъ васъ, чтобы вы, сосредоточивая свои силы противъ правительства, использовали въ интересахъ *революціи* ту *оппозицію*, которую пока еще дѣлаетъ ему „партія народной свободы“. А вы боитесь этого, какъ измѣны; вопреки здравому смыслу, вы стараетесь помирить другъ съ другомъ вашихъ, пока еще ссорящихся между собою, враговъ и потому, воображая себя вѣрными хранителяли революціонныхъ принциповъ, вы наносите серьезный вредъ революціи.“ Мой собесѣдникъ ничего не возразилъ мнѣ на это. Но мнѣ показалось, что онъ не безъ удивленія услыхалъ о возможности существованія такой точки зрѣнія, которая, отнюдь не переставая быть революціонной, позволяетъ вмѣстѣ съ тѣмъ видѣть новыя стороны вопроса, остающіяся совершенно недоступными для прямолинейной логики „большевизма“.

Когда мы говоримъ о соглашеніи нашей партіи, напримѣръ, съ кадетами, то насъ часто понимаютъ въ томъ смыслѣ, что мы обнаруживаемъ желаніе послужить буржуазіи

силами пролетаріата. Но это — совершеннѣйшій вздоръ, показывающій, насколько мало понимаютъ наши критики какъ насъ, такъ и все современное положеніе дѣлъ въ Россіи. На самомъ дѣлѣ рѣчь можетъ идти, наоборотъ, только о томъ, чтобы заставить буржуазную оппозицію послужить революціоннымъ цѣлямъ пролетаріата.

Временные союзники рабочаго класса должны быть его орудіями въ дѣлѣ разрушенія стараго порядка. А на *орудія* нельзя смотрѣть иначе, какъ *съ точки зрѣнія ихъ соотвѣтствія цѣли.* Но вопросъ объ отношеніи къ буржуазнымъ партіямъ рѣже всего разсматривается у насъ съ точки зрѣнія цѣлесообразности; его подаютъ обыкновенно подъ судомъ нравственнаго негодованія на то, что буржуа—не пролетаріи и кадеты не революціонеры.

По вопросу объ отношеніи къ буржуазнымъ партіямъ существуетъ разногласіе не только между нами и „большевиками“, но также и между нами и, напримѣръ, Парвусомъ или Розой Люксембургъ. Такихъ людей, какъ Парвусъ или Люксембургъ нельзя не отнести къ числу несомнѣнныхъ марксистовъ. И все таки они расходятся съ нами, тоже стоящими на точкѣ зрѣнія марксизма. Эти споры между марксистами вызываютъ иногда скептическія хихиканья на счетъ самого марксизма. Однако, подобныя хихиканья не имѣютъ подъ собой никакого серьезнаго основанія. *Марксизмъ есть безошибочный методъ изслѣдованія общественныхъ явленій.* Но этимъ методомъ пользуются *люди*, а *людямъ свойственно ошибаться.* То, что говорила на нашемъ съѣздѣ Роза Люксембургъ объ отношеніи къ буржуазнымъ партіямъ, является однимъ изъ яркихъ и поучительныхъ образчиковъ *отибочнаго примѣненія безошибочнаго метода.* Только и всего.*)

*) О Розѣ Люксембургъ надо, впрочемъ, замѣтить, что она въ своихъ сужденіяхъ ошибается подчасъ не потому, что она плохо пользуется методомъ Маркса, а потому, что ей случается вовсе отказываться отъ методическаго мышленія и руководствоваться въ своихъ сужденіяхъ простыми аффектами. На мангеймскомъ съѣздѣ германской партіи она объявила анархо-соціалистовъ оппозиціей слѣва. Послѣ этого нельзя удивляется и тому, что она считаетъ позицію „большевиковъ“ лѣвой сравнительно съ нашей. Къ марксизму подобные приговоры не имѣютъ никакого логическаго отношенія. Извѣстно, что буржуазные историки интернаціонала до сихъ поръ считаютъ тактику Бакунина болѣе лѣвой, нежели тактика Маркса.

Большая цитата, приведенная мною въ короткой рѣчи, посвященной этому предмету,*) (см. 17-18 стр.) окончательно рѣшаетъ вопросъ о томъ, какъ взглянулъ-бы на этотъ предметъ самъ Марксъ. Марксъ былъ убѣжденъ, что буржуазная революція въ Германіи послужитъ непосредственнымъ прологомъ революціи пролетаріата. Онъ смотрѣлъ тогда на будущее Германіи почти такъ, какъ еще недавно смотрѣлъ у насъ Парвусъ на будущее Россіи. Но его взглядъ на отношеніе къ буржуазнымъ партіямъ былъ очень дакекъ отъ взгляда Парвуса. Въ вопросѣ объ отношеніи къ этимъ партіямъ Марксъ оказывается *чистѣйшимъ „меньшевикомъ“* avant le mot. И это полезно запомнить тѣмъ, которые склонны подозрѣвать „меньшевикомъ“ въ ревизіонизмѣ.

Извѣстно, что Бакунинъ отрицательно относился къ требованіямъ *реформъ*,опасаясь, что реформы помѣшаютъ *революціи.* Совершенно такую же утопическую боязнь реформъ проявили на съѣздѣ наши „большевики“. Почему они отказались сдѣлать своимъ требованіе *отвѣтственнаго министерства*? Потому, что они боялись, какъ-бы эта существенно важная реформа не задержала хода революціи. Они такъ и сказали это. И это опять было-бы совершенно непонятной нелѣпостью, если-бы эта нелѣпость опять не дѣлалась понятной въ виду уже много разъ указанной мною коренной ихъ ошибки. Если задача, подлежащая рѣшенію, уже рѣшена; если все „готово“ для *революціи*, то нецѣлесообразно заниматься *реформами*: онѣ могутъ ослабить силу непосредственно предстоящаго революціоннаго взрыва. Но т. Мѣшковскій увѣрялъ насъ, что „большевики“ ничего не говорятъ теперь о непосредственно предстоящемъ взрывѣ, т. е. о вооруженномъ возстаніи. Это, очевидно, могло-бы произойти *только* потому, что еще не все „готово“. А если еще не все „готово“ для революціи, то чему же помѣшаетъ реформа? Поди, пойми! Отрицательное отношеніе къ отвѣтственному министерству, являющееся настоящей услугой безотвѣтственному Столыпину, составляетъ одно изъ тѣхъ противорѣчій, въ которыхъ безпомощно путаются „большевики“.

*) Плохое состояніе здоровья ни разу не позволило мнѣ на этомъ съѣздѣ выступить съ докладомъ. Я могъ только участвовать въ преніяхъ, при чемъ мое время было каждый разъ ограничено 15 минутами. Только въ 16мъ засѣданіи я говорилъ больше часу, такъ какъ съѣздъ имѣлъ исключительную любезность цѣлыхъ три раза „продолжить“ мое время.

Я пишу это предисловіе въ деревнѣ, гдѣ я лишенъ возможности справиться въ источникахъ, вѣренъ-ли тотъ *фактъ* изъ жизни Робеспьера, о которомъ я упомянулъ въ 16-мъ засѣданіи и который оспаривался „большевиками“. Но дѣло, конечно, не въ единичномъ фактѣ, а въ общемъ характерѣ дѣятельности знаменитаго французскаго революціонера. Что же касается ея общаго характера, то всякій, знакомый съ нею, согласится признать, что Робеспьеръ принадлежалъ къ числу тѣхъ даровитыхъ политиковъ, которые всѣмъ существомъ своимъ понимаютъ, что не сознаніе опредѣляетъ собою бытіе, а бытіе опредѣляетъ собою сознаніе (см. стр 13.). „Лозунги“, заслуживавшіе одобренія Робеспьера, всегда были такими „лозунгами“, которые представляли собою *логическій выводъ изъ пережитаго народомъ революціоннаго опыта*. Какъ и всѣ истинные революціонеры, Робеспьеръ предпочиталъ *дѣло слову*.*) А вотъ наши *твердокаменные* прежде всего дорожатъ *словомъ* и съ этой стороны очень напоминаютъ мнѣ раскольничьихъ ревнителей „древляго благочестія“. На лондонскомъ съѣздѣ я, бесѣдуя съ однимъ изъ большевистскихъ делегатовъ отъ Урала, спросилъ его: „Скажите, пожалуйста, неужели населеніе уральскихъ заводовъ въ самомъ дѣлѣ требуетъ Учредительнаго Собранія?“ — „Не то, чтобы Учредительнаго Собранія, отвѣтилъ онъ мнѣ, а такой Думы, которой никто не смѣлъ бы разогнать и которая могла-бы сдѣлать все, что она захочетъ“. Этому очень легко повѣрить. Но вѣдь такая Дума и есть *полновластная Дума*, предложенная мною въ качествѣ избирательной платформы. „Большевики“ отказываются отъ „полновластной Думы“ единственно потому, что въ вопросахъ агитаціи они видятъ *прежде всего слова* и, къ сожалѣнію, *только слова*. Они забываютъ, — а этого никогда не забывалъ Робеспьеръ, — что

Въ началѣ дѣло было!

Хотѣлось мнѣ сказать нѣсколько прочувствованныхъ словъ и насчетъ принятой на лондонскомъ съѣздѣ резолюціи объ отношеніи партіи къ профессіональнымъ союзамъ. Но у меня нѣтъ мѣста. А кромѣ того эта резолюція утратила всякое практическое значеніе въ виду резолюціи, недавно принятой въ Штуттгартѣ съ моей поправкой.

Г. Плехановъ.

*) Въ своихъ запискахъ г-жа Роланъ обвиняетъ его въ скептическомъ отношеніи къ республиканской идеѣ. Надо думать что Робеспьеръ просто не хотѣлъ раньше времени произносить слово: республика.

P. S. Въ приложеніи я помѣщаю резолюцію московскаго окружнаго комитета, надѣлавшую столько шуму въ 16-мъ засѣданіи. Читатель увидитъ, можно-ли отнести ее къ Булыгинской Думѣ. „Большевики“ сами себя не узнали. Это совсѣмь плохой признакъ!

Г. П.

P. P. S. Излишне прибавлять, что совершенно неосновательнъ упрекъ въ синдикализмѣ, кинутый въ 16-мъ засѣданіи т. Хрусталеву „большевиками“, обидѣвшимися на меня за указаніе на родство ихъ взглядовъ со взглядами *синдикалистовъ* (см. стр. 16). Въ дѣятельности т. Хрусталева не было ничего похожаго на синдикализмъ. А что между „большевизмомъ“ и синдикализмомъ или анархо-соціализмомъ есть много общаго, это доказывается не рѣдкими теперь случаями перехода „большевиковъ“ въ ряды анархистовъ.

Г. П.